

Через межу — эпизод 2 из 5

Пока бакенщик ходил к роднику, женщина успела осмотреть все его несложное хозяйство.

Избушка двумя маленькими окошками смотрела вверх и вниз по реке. Прямо против входа, у стены, стол и около него три табуретки. На столе стопка книжек, химический карандаш и какой-то стаканчик. Над столом портрет Ленина «За чтением „Правды“». Справа от входа маленькая печурка. За ней вдоль стены широкая скамья с мешком-сенничком и коричневой подушкой. Над постелью белый шкафчик вроде больничного.

— Тут у него, видно, посуда и чаи всех сортов, — улыбнулась женщина.

Вдоль левой стены избушки длинная широкая скамья. Над ней, ближе к окну, два ряда деревянных брусьев с гнездами, в которых размещены разного размера ножи, стамески, шилья и другой инструмент корзиночника. В самом углу на скамье большая корзина с грибами.

Женщина поставила было сюда и свою с ягодами, но поспешно взяла ее опять на руку. Направляясь к выходу, взглянула на развешанную по гвоздям одежду, среди которой центральное место занимал зипун из домотканого сукна. С порога еще раз обвела взглядом покрашенные по бревнам стены, остановилась на плакате «Как крепить канат» и вслух оценила:

— Чисто живет! — Потом улыбнулась: — Иван... Савельич... Кочетков.

С крыльца было видно, что Кочетков шел обратно, заметно прихрамывая на правую ногу. Фаина поставила корзину на широкий брус крыльца, закрыла ягоды головным платком, поправила волосы и подошла к огнищу, который едва дымился. Сгребла угли грудкой, уложила в середину лежавший тут железный прут-жигало, раздула угли, бросила пучок сухой ивовой коры и, когда весело заиграл огонек, принесла из поленницы от крыльца охапку мелких дровец.

Мимоходом заметила, что между поленницей и стеной будки — в тени — стояло большое деревянное корыто с водой, где замочены ивовые прутья.

— Хозяйство... Ни за избушкой, ни перед избушкой сору большого нет, — одобрила Фаина и села на ступеньки крыльца, где до этого сидел бакенщик. Перебрав разбросанные тут деревяшки, догадалась, что бакенщик делал трубку.

— Чудной он все-таки. Молодой, а живет тут один и трубку вон мастерит. Как старик какой! Может, из-за ноги-то...

Кочетков нес в одной руке чайник, в другой какой-то бесформенный серо-грязный кусок.

— Нашлась моя потеря.

— Какая потеря?

— Да так, пустяки. Потом расскажу, — и, поставив чайник на крыльцо, поспешно ушел в избушку, принес чашку с синим ободком, налил и подал гостю с шутливым поклоном: — Кушай на здоровье! Водичка первый сорт. Мертвого обмыть — так встанет, а молоденький умоется — плясать пойдет. На Кавказ ездить не надо. Каждый день приходи. Хоть пей, хоть обливайся.

Женщина жадно выпила две чашки, обтерла губы рукой, смахнула с груди крупные капли и только тогда засмеялась.

— Простой ты на воду, а сам звал чай пить!

— За этим дело не станет. Живо вскипит. А какой сорт заваривать, сама выбирай. Женщине в этом деле виднее. — И Кочетков стал устанавливать чайник на рогульках над огнем.

— Где у тебя чай-то твой?

— Там, — указал он на избушку. — На стене шкафчик есть. В нем по сортам разложены. Там же сахар, картошка, посуда.

Когда Фаина ушла в избушку, Кочеткова нестерпимо потянуло туда же, но он вспомнил ее серьезную просьбу, строгие глаза при вольных шутках и остался.

Фаина вышла с посудиною и деловито спросила:

— За тенью собрать? По ту сторону будки?

— Как тебе лучше, — поспешил согласиться Кочетков и подумал: «Как жена спрашивает».

Фаина вновь показалась из-за будки и тем же тоном спросила:

— Зипун твой расстелю?

— Хозяйкино дело, как на стол соберет, — пошутил Кочетков.

— Опять ты! Брось, говорю... Не ходи в эту сторону!

— Да я вроде как всерьез.

— То-то, вроде. Скорый больно. Повременить надо.

— До которой поры? Давно мне жениться время. Надоело в холостых ходить.

— Давно ты холостой? — спросила женщина, и в голосе слышалась необычная нотка.

— Отродясь холостой! По-честному говорю. Этому богу, чтоб жениться да разжениваться, не верую.

— Ой, врешь, Иван Савельевич! Знаем, поди, в каких годах парни по деревням женятся. Ты из той поры вышел. Кто тебе поверит.

— Хоть верь, хоть нет, а так вышло. Недаром тут сижу. Думаешь, весело семь дней дежурить. Кроме матерка с плотов, слова живого не услышишь. Попробуй, посиди... Готово! — вдруг закричал он. — Иди заваривай да команду принимай!

— Сейчас! — крикнула Фаина из-за будки и подошла с блюдцем, на котором лежали две неровные щепотки.

— Морковного для цвету, земляничного для запаху — вот и ладно будет, — проговорила она и «приняла команду».